

2.

Сократические школы

Роман Светлов

Легко ли (было) быть «сократиком»? Пристрастный взгляд комедии на Херефонта из Сфетта*

ROMAN SVETLOV

WAS IT EASY TO BE A SOCRATIC?

A BIASED VIEW OF ATHENIAN COMEDY ON CHAEREPHON OF SPHETTUS

ABSTRACT. Philosophical practices in the Socratic (and Pythagorean) context are caricatured in various ways by Aristophanes in his *Clouds* and *Birds*. In the former play, the philosophy of Socrates and Chaerephon is portrayed as a hidebound preoccupation with paltry facts of everyday existence, with never a glimpse at something beyond available to their consciousness. Aristophanes may be said to parody the Socratic bid for self-knowledge along with the Protagorean principle of ‘human measure’, the persona of Chaerephon demonstrating the degree of social inadequacy the students of Socrates could sink to. In the *Birds*, philosophy is compared to suspicious practices of psychagogy and necromancy. The disciples of Socrates appear as both objects and instruments of such a divination, which may be interpreted as a satire on dialectical conversation. Psychagogy is an analogue to Socratic ‘maieutics’ and necromancy is used to ironize the conclusions and knowledge that the souls of those engaged in philosophy arrive at. The ‘Socratic discourse’ remained quite alien to most Athenians (a fact which has only been confirmed during Socrates’ trial). And the Socratics were commonly perceived as quaint misfits at best. The character of Chaerephon, who shows up in both comedies, embodies these features of absurdity and eccentricity.

KEYWORDS: Socrates, Socratics, Chaerephon of Sphettus, Athenian comedy, dialectics and psychagogy.

© Р.В. Светлов (Санкт-Петербург). spatha@mail.ru. Санкт-Петербургский государственный университет. Русская христианская гуманитарная академия.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского Фонда Фундаментальных Исследований по проекту № 17-03-00616 «Сократические школы как явление античной философии и культуры».

Херэфонт из Сфетта, друг Сократа, прославленный тем, что, по словам Платона и Ксенофонта, являлся инициатором дельфийского оракула, объявившего Сократа мудрейшим из афинян, не всегда оказывается предметом внимания со стороны тех, кто пишет о «кружке Сократа». Конечно, Херэфонт представляется странным другом афинского философа. С одной стороны, они знакомы с юности, с другой — в важнейшие моменты жизни Сократа Херэфонт отсутствует. Когда Сократ участвует в военной кампании в Халкидике, Херэфонт остается в Афинах («Хармид»). При тирании «Тридцати» Херэфонт, в отличие от Сократа, покидает свою отчизну. Ко времени суда над Сократом он мертв («Апология Сократа»).

Вместе с тем Херэфонт упоминается в трех текстах Платона, в «Меморабилиях» и «Апологии» Ксенофонта¹. Как персонаж Платона Херэфонт играет важную сюжетно-рамочную роль. В «Апологии» Сократ апеллирует к Херекрату, брату Херэфонта, чтобы напомнить о дельфийском оракуле. В «Хармиде» Херэфонт радостно приветствует вернувшегося из военного похода Сократа, расспрашивает его о деталях кампании, вовлекая старого друга в группу своих приятелей, обсуждающих молодое поколение и темы воспитания. В «Горгии» Херэфонт, судя по всему «зацепившись языками» с кем-то на рынке, опаздывает вместе с Сократом на публичное выступление софиста. Однако его знакомство с Горгием, вызванное той же страстью поговорить, что стала причиной их опоздания, позволяет ему все-таки свести Сократа с леонтинским мыслителем. Во всех трех случаях Херэфонт выступает инициатором некоторых важных событий — оракула и двух диалектических бесед, изложенных Платоном. Ксенофонт считает Херэфонта и Херекрата одними из ближайших друзей Сократа и рассказывает трогательную историю о том, как Сократ однажды мирил поссорившихся братьев (см. Мет. 1.2.48; 2.3.1–19).

¹ Его появление в «Письмах сократиков» и псевдо-платоновском диалоге «Алкиона» будет итогом эллинистических фантазий, а о свидетельствах из Старой афинской комедии мы поговорим ниже.

Едва ли следует отрицать, что Херефонт действительно был другом Сократа и в каком-то смысле являлся «сократиком» (не будем обсуждать здесь уместность и генезис данного термина) — но едва ли как философ². В «Хармиде» и «Горгии» в решающий момент он становится слушателем, уходит на второй план. Для экспликации собственно философского содержания диалога этот персонаж оказывается Платону не нужен. А потому нам представляется, что Херефонт был «сократиком» скорее как человек, близкий сократовскому образу жизни (включающему обязательные диалектические беседы) и сократовской заботе о воспитании юношества. Забота эта была, конечно же, общим делом для греческого полиса, т.к. от подрастающего поколения зависит будущее государства (в условиях античного полиса, этого face-to-face community, данный тезис был совершенно очевиден). Но тексты Платона и Ксенофонта и, особенно, платоновская «Апология» показывают, что существовало принципиальное противоречие между тем, как понимало фигуру воспитателя большинство афинян, и тем, как трактовал ее Сократ. Афиняне полагали, что воспитателем является сам полис — носитель некоего коллективного разума и отеческих нравов. Право народного собрания на власть означает, что оно выступает носителем права на воспитание и способно оценивать воспитателей (см. Ap. 24c и далее). Вопреки этому представлению Сократ постоянно подчеркивает, что воспитать может лишь эксперт, который к тому же сам должен стать примером воспитанности. Идеи Сократа порой напоминают ту концепцию государственного управления, которая в XX столетии получит название «меритократия».

Сторонниками меритократии в современном мире становятся не только консерваторы, но и люди, разделяющие либерально-

² Олимпиодор Младший в своем комментарии на «Горгия» называет Херефонта философом и даже помещает его склонную к иступлению душу — раз уж Платон считает иступление/манию в «Федре» божественным даром — на высокое место в рейтинге учеников Сократа (In Grg. 1.10; 2.7; 25.1). Однако едва ли стоит принимать всерьез подобные конструкции, свойственные позднеантичному духу, активно мифологизировавшему прошлое.

демократическую идеологию. Так что нас не должен удивлять тот факт, что Херефонт, эмигрировавший, в отличие от Сократа, из Афин во время правления крайне антидемократически настроенных «Тридцати тиранов», был, тем не менее, другом философа, критически относящегося к демократии (по крайней мере, к тем ее формам, которые имели место в современных ему Афинах).

Посмотрим, каким образом современные авторы, пишущие о Сократе, касаются этой фигуры. Следует согласиться с Кристофером Муром, что в большинстве случаев исследователей увлекают те особенные характерологические свойства Херефонта, которые ему приписывает Платон и которые косвенно подтверждаются свидетельствами афинской комедии (Moore 2013b). К этим свойствам относятся горячность, восторженность (букв. «маниакальность», *μανικός*), упоминаемая в «Хармиде» (153b), и упрямство (*σφοδρός*) из «Апологии» (21a). Из «Горгия» мы узнаем, что Херефонт, видимо, любитель поговорить. С возбужденностью, горячностью и настойчивостью связаны характеристики, даваемые нашему персонажу в комедиях: бледность и худоба (см., например, аристофановские «Облака», 104 и «Птицы», 1296). Скорее всего, Херефонт был небогат, что подчеркивается не только Аристофаном, но также Кратином и Евполидом.

В итоге ученые обычно отмечают импульсивность и даже бестактность Херефонта, а также неумелость в ведении диалектической беседы, зачастую этим и ограничивая рассуждения о данном персонаже (см. Benardete 1986: 10; Schmid 1998: 3–7). Анализируя упоминания Херефонта в комедиях, Д. Найлс в своем просопографическом исследовании персонажей платоновских диалогов пишет: «Его внешность и репутация, должно быть, были странными, потому что простое упоминание о нем продолжало быть забавным в течение двадцати лет» (Nails 2002: 86). Правда встречаются и более возвышенные оценки Херефонта, как, например, в примечательной биографии Сократа, написанной И.Е. Суриковым: «Этот высокий, очень худой, болезненного вида человек в глазах современников был необычным и даже странным... Хере-

фонт был одним из тех эмоциональных энтузиастов, которые постоянно увлекаются, не могут скрывать своих чувств — сдержанность им чужда» (Суриков 2011: 100).

Достаточно часто к Херефонту обращаются, когда обсуждают датировку дельфийского оракула о Сократе (см., например, Фролов 2000: 121–124). При рассмотрении «Горгия» отмечают реплику Херефонта: «Не беда, Сократ, я же все и поправлю...» (447b), которая звучит сразу после информации о том, что они опоздали на речь софиста. Эта реплика традиционно считается цитатой из трагедии Еврипида «Телеф» (Moog 2012)³.

Нас будет интересовать Херефонт в одной своей ипостаси — как парный к Сократу κωμωδοῦμενος Старой комедии. Имея второстепенное значение, он оттеняет образ первого, появляясь, когда нужно подчеркнуть какую-то из черт философского нрава. Таких мест в дошедших до нас текстах комедий, строго говоря, два — второе упоминание его в «Птицах» и «Облака», где Херефонт не просто называется, но появляется как один из сценических персонажей. Скучно? Несомненно, но даже этой скучности нам хватит, чтобы увидеть ту «зону риска», в которой оказывались «сократики», выведенные на комедийную сцену.

Для начала посмотрим на презентацию друзей, Сократа и Херефонта, в зачине «Облаков». Сообщение Стрепсиада своему сыну Фидиппиду о Сократе кажется «Лахетом наоборот». И в платоновском диалоге «Лахет», и в «Облаках» старшие (Мелесий и Лисимах в первом случае, Стрепсиад во втором) про мудреца слышали, но не видели его. И там, и здесь ищут воспитателя. И там, и здесь младшие (Фукидид и Аристид, Фидиппид) знают Сократа. Но в «Лахете» младшие члены семейств аттестуют его восторженно, а в «Облаках» (Nu. 101–105) в ответ на слова Стрепсиада:

οὐκ οἶδ' ἀκριβῶς τοῦνομα:
μερμινοφροντισταὶ καλοὶ τε καὶ ἀγαθοί.

³ См. также любопытное замечание А.А. Глухова о специфической роли Херефонта в «Горгии», который оказывается посредником между не общающимися друг с другом Полом и Калликлом (Глухов 2015: 253–254).

Фидиппид отвечает:

αἰβοῖ πονηροί γ', οἶδα. τοὺς ἀλαζόνας
τοὺς ὠχρῶντας τοὺς ἀνυποδήτους λέγεις,
ὧν ὁ κακοδαίμων Σωκράτης καὶ Χαιρεφῶν⁴.

Эти строки четко фиксируют ряд комедийных штампов, которые обычно приписываются философам афинскими комедиографами: 1) особенность телесной организации, указывающая и на то, что занятия философии якобы доводят до состояния «полутрупы», и на феминность, сексуальную пассивность любомудров; 2) паразитизм, занятие ненужными делами: они — никуда не годные людишки, которые могут кормиться только подаянием, мошенничеством или воровством (действительно, Сократ ворует в палестре, чтобы прокормить своих учеников); 3) их демон-судьба плох, а потому жизнь их незавидна и ничтожна.

За пределами данного фрагмента остаются традиционные обвинения в излишней болтовне, в обучении мошенничеству и в «метеолесхии», т.е. в безответственных рассуждениях о делах божественных, возвышенных. Но каждый, читавший «Облака», помнит, что и эти пародийные черты Сократа и его учеников не заставят себя ждать⁵.

Херефонт в «Облаках» обладает особым статусом в сравнении с другими учениками Сократа. Во-первых, он называется по име-

⁴ Стрепсиад: «Имен не знаю в точности — усердодуматели, прекрасные да благие». Фидиппид: «Ой-ой-ой, да я знаю их — никуда не годные мошенники бледные да необутые — вот о ком ты говоришь: злополучные Сократ и Херефонт».

⁵ Существует представление о том, что Аристофан и другие афинские комедиографы использовали клишированные наборы негативных черт по отношению к тем, кого они высмеивали. В случае интеллектуалов к ним разве что добавляются метеолесхия и религиозное нечестие. Однако нам представляется, что ситуация здесь куда сложнее, и, например, изможденность и феминность в случае философов имеет в комедии совсем иное происхождение, чем в случае других комедуменов. Однако этой темы мы надеемся коснуться в других работах. Об отношении в целом к интеллектуалам в классических Афинах см. работу Г. Олдинга (Olding 2003).

ни, остальные ученики (кроме сына Стрепсиада) анонимны. Во-вторых, он является со-распорядителем сократовской «мыслильни», хотя и не харизматическим ее лидером. В-третьих, Сократ приводит его в пример Стрепсиаду, утверждая, что тот, в случае прилежания в обучении, может стать таким, как Херефонт (правда, Стрепсиад тут же восклицает, что в таком случае будет похож на полутруп — ст. 501–504). В-четвертых, во время поджога дома Стрепсиадом именно Херефонт вместе с Сократом выбегает на сцену, жалуясь, что он, несчастный, «всесжигается»⁶.

В свое время А.К. Гаврилов предположил, что Херефонт и был хозяином в том доме, где вел занятия Сократ «Облаков»: «Дом, о котором и нефилософствующие афиняне знали, что там учит Сократ, был дом Херефонта, и понятно, почему во время поджога имя Херефонта выдвинуто на первый план» (Гаврилов 1989: 75).

Правда, тут появляются некоторые несостыковки комедийного образа и исторических реалий. И главная из них — бледность и феминность философов. Мы можем предположить наличие болезненной бледности и худобы у Херефонта, но Сократ — вполне полнокровный субъект, что видно и по словесным, и по скульптурным его образам. А если вспомнить об анекдоте, который рассказывает Элиан, — мастер, изготовивший маски для артистов, участвующих в постановке «Облаков», сделал изображение Сократа максимально портретным, — тогда бледность и худоба едва ли могут быть его адекватными театральными чертами. Тем не менее, бледность вменяется ему, видимо, в качестве свойства, каковым, как хочет продемонстрировать Аристофан, Сократ наделяет всех, кому довелось оказаться в «мыслильне».

Как следует из «Облаков», близость к Сократу приводит к тому, что такой человек становится «полутрупом». Большую часть времени он проводит в мыслильне (что в отношении реального Херефонта явно было преувеличением), выбираясь оттуда лишь

⁶ ἐγὼ δὲ κακοδαίμων γε κατακαυθήσομαι — ст. 1505. На наш взгляд, здесь прямой намек на всеожжение во время жертвоприношения. Стрепсиад приносит искупительную жертву богам — возможно, за весь город.

по разрешению «наставника» (постоянное пребывание в доме — еще одна «феминная» черта). Грязь и бедность, окружающие философов, приводит к тому, что они заняты «научным» изучением наиболее привычного и близкого им — исчисления длины блошиного прыжка в блошиных «ступнях» (открытие Херефонта), причин пищания комара (открытие Сократа). Рассуждения касаются вещей ничтожных, неважных. «Урологические» и «пищеварительные» объяснения дождя и грома, которые Сократ дает Стрепсиаду, — того же типа «открытия». Философы не видят ничего дальше самих себя, своего скудного, неряшливого обихода, и судят обо всем по самим себе. В итоге небесные явления оказываются подобны бурчанию в их желудке, вызванному набиванием пуза бесплатной пищей на Панафинейских играх.

Все это кажется пародией как на сократовское требование самопознания (исследование себя и «своего» является необходимой предпосылкой любого исследования как такового), так и на протагоровский принцип «человека-меры» — если мы не слишком преувеличиваем знакомство Аристофана и, что самое главное, афинской аудитории с этими концептами. Но в любом случае Херефонт нужен Аристофану как очевидный пример того, к каким необратимым последствиям приводит дружба с Сократом.

В «Птицах» Херефонт становится участником весьма странной процедуры, которую Сократ совершает в «земле тененых», — психагогии. Об этом необычном фрагменте из «Птиц» написано достаточно много, в том числе и с точки зрения возможной связи «психагогствования» аристофановского Сократа с теми диалектическими и риторическими процедурами, которые проводит Сократ платоновский. Уже упоминавшийся нами Кристофер Мур не так давно дал довольно исчерпывающий обзор имеющихся точек зрения на этот фрагмент (Moore 2013a). Поэтому нам остается отметить лишь несколько важных деталей данного текста для демонстрации еще одного возможного горизонта его понимания.

Приводим текст (Av. 1553–1564):

πρὸς δὲ τοῖς Σκιάποσιν λί-
μνη τις ἔστ' ἄλουτος οὗ
ψυχαγωγεῖ Σωκράτης.
ἔνθα καὶ Πείσανδρος ἦλθε
δεόμενος ψυχὴν ἰδεῖν ἢ
ζῶντ' ἐκεῖνον προύλιπε,
σφάγι' ἔχων κάμηλον ἀ-
μόνον τιν', ἧς λαίμοὺς τεμῶν
ὥσπερ <ποθ'> οὐδυσσεὺς ἀπῆλθε,
κᾶτ' ἀνῆλθ' αὐτῶ κάτωθεν
πρὸς τὸ λαῖτμα τῆς καμήλου
Χαιρεφῶν ἢ νυκτερίς⁷.

Земля тененогих (σκιάποσιν), где происходит психагогия, помещалась античными и средневековыми географами в Ливии или Индии. Тененогие — мифические существа, которые якобы укрывались под своими огромными ступнями от палящего света солнца. Несмотря на явный соблазн проинтерпретировать это место в духе VII книги «Государства», где тень и темнота оказываются образами невежества, едва ли такой ход применим к данному месту. В момент постановки «Птиц» ни о каком «Государстве» еще не могло идти и речи. Да и Сократ платоновский, как известно, был сторонником созерцания солнца, а не скрывания от него. А потому страна тененогих — просто указание на некоторое удаленное от античного «Мидгарда» место, населенное нелепыми существами. Напомним, что и Одиссей для совершения психагогии отправляется на край земли, на киммерийские берега. Так что место, где находится Сократ, — это пародия на цель Одиссеева странствия (у Гомера оно темное и страшное, у Аристофана жаркое и нелепое). Есть здесь и озеро, причем озеро

⁷ Хор: «Близ земли тененогих — озеро, там Сократ немый психагогствует. Устремился туда Писандр, чтоб утраченную душу свою увидеть, которую бросил, еще будучи живым. Заклав верблюжонка, горло ему перерезав, как Одиссей, отступил. И поднялся снизу к крови верблюжонка Херефонтов нетопырь».

со стоячей водой (λίμνη), которое вполне соответствует описанию мест, где совершались «легальные» античные процедуры некромантии (Ахеронтское озеро в Феспротии, Авернское в Кампании).

Само слово «душа» в данном месте подразумевает как минимум два смысловых контекста, близких не платоновскому ее пониманию, а тому, что фиксируется в текстах V в. до н.э. Политик Писандр, в будущем участник олигархического переворота 411 г., прибежал за своей душой, поскольку когда-то струсил, потерял храбрость. И утраченная душа здесь означает именно отсутствующую у Писандра мужскую отвагу, маскулинность. Когда приносится в жертву верблюжонок, откуда-то снизу появляется Херефонт, похожий на нетопыря и лишенный души уже в ином смысле — в том, в котором были лишены самосознания и жизни тени, пьющие в «Одиссее» жертвенную кровь на Киммерийском берегу.

Парадокс ситуации в том, что и Писандр, и Херефонт на момент постановки комедии живы. И если сценическую «смерть» Писандра можно объяснить критикой его малодушия, то Херефонт упоминается как реальный пришелец из преисподнего мира. Что здесь высмеивает и критикует Аристофан — помимо бледности нашего персонажа?

Еще в 1906 г. английский переводчик и издатель «Птиц» Бенджамин Роджерс предположил, что в данном месте аристофановский Сократ сравнивал свои занятия не только с майевтикой, но и с некромантией (Rogers 1906: 208). Предположение вполне разумное, уже хотя бы потому, что лишь в IV столетии до н.э. слово «психагогия» будет метафорически обозначать власть над душами, которую дает, например, красноречие (см. Pl. Phdr. 261a⁸). Хочется присоединиться к этому предположению и еще по трем причинам.

⁸ Вот как это место звучит в переводе А.А. Глухова: «Разве риторическое искусство не есть в целом умение вести душу (ψυχαγωγία), осуществляемое посредством речей, не только в суде и в других общественных собраниях, но и в частной жизни?» Кристофер Мур считает, что здесь Платон сознательно отсылает читателей к Аристофану (Moore 2013a: 55).

Во-первых, в античных религиозных представлениях психагогия была связана с некромантией, т.е. с получением знания от мертвых. Причем предметом предсказания была судьба или некий частный интерес того, кто совершает данную процедуру. Во-вторых, сочетание античного философа и магического обряда пугать нас не должно. Достаточно вспомнить Эмпедокла, занимавшегося колдовством (D.L. 8.59). В-третьих, непроясненность самого термина «душа» и его многозначность даже в орфических и пифагорейских представлениях того времени вполне могла привести Аристофана к мысли именно так «процитировать» диалектическую и майевтическую педагогику Сократа.

Чем занят Сократ? Помощью собеседнику в самопознании («заботе о себе») и обнаружении в нем «своего», подлинного, что и обозначается в платоновских текстах термином «душа». Процедура эта непростая, зачастую, как мы видим из платоновских диалогов, болезненная, имеющая свои драматические контрапункты и даже катартические состояния. Душа вызывается как бы из инобытия. Многие ученики Сократа, как это демонстрирует диалог «Федон», вполне солидарны с «пифагорейским» принципом, что тело — темница души, а философия — путь к ее освобождению, чреватый смертью.

Следовательно, ученик Сократа в образной системе «Птиц» мертв. Он мертв либо потому, что еще не открыл свою душу, а для этого требуется целая диалектическая процедура. В обратном случае он мертв потому, что свою душу открыл и, в результате, оказался вне обыденного мира. В любом случае Сократ взывает именно к душе собеседника, и та вещает, «прорицает» во время беседы, зачастую против своей воли, нечто, что считается философами истинным, но что никак не связано с «common sense» рядового афинянина.

В любом случае необходимо магическое усилие, чтобы вернуть «умершего для мира» любомудра к жизни. И образ бледного Херефонта как нельзя лучше подходил для того, чтобы посмеяться над сократовскими занятиями философией. Дабы он «при-

шел в себя» (вспомним «маничность» этого персонажа), нужно некромантическое жертвоприношение. А его сравнение с нетопырем наверняка вызывало прямые ассоциации с Гомером, который описывает тени убитых Одиссеем женихов, направляющихся за «психопомпом» Гермесом, как нанизанных на единую нить летучих мышей (Od. 24.6–10).

Следовательно, занятия философией в специфически сократовском (и пифагорейском) варианте выставлены в «Птицах» как нелепая (и общественно бессмысленная) некромантия. Его друзья-ученики, которых представляет в данной комедии Херэфонт, выступают в качестве объектов этого гадания через диалектические «спиритические сеансы». Очевидно, что область «сократического» философского дискурса оставалась герметично закрыта для большинства афинян (что только подтвердилось во время суда над Сократом), а его поклонники воспринимались в лучшем случае как чудаки. Образ Херэфонта сохранил в себе эту интонацию нелепости и чудачества. Причем, быть может, на описание характерологических черт данного персонажа в текстах Платона оказало воздействие не личное знакомство с ним, а «коллективная память» соотечественников, находившаяся под влиянием афинской комедии.

Литература

- Гаврилов, А.К. (1989), “Ученая община сократиков в *Облаках* Аристофана”, in *Некоторые проблемы истории античной науки*, 62–76. Ленинград.
- Глухов, А.А. (2015), “Ответ на рецензию Алексея Романова”, *Платоновские исследования* 2.1: 244–255.
- Суриков, И.Е. (2011), *Сократ*. М.: Молодая гвардия.
- Фролов, Э.Д. (2000), “Философские содружества в Античной Греции как вид альтернативных социальных сообществ. К постановке вопроса”, *ΑΚΑΔΕΜΕΙΑ. Материалы и исследования по истории платонизма* 2: 111–149.
- Benardete, Seth (1986), “On Interpreting Plato’s *Charmides*”, *Graduate Faculty Philosophy Journal* 11.2: 9–36.
- Frolov, E.D. (2000), “Filosofskiye sodruzhestva v Antichnoy Gretsii kak vid alternativnykh sotsial’nykh soobshchestv. K postanovke voprosa [Philosophical communities in Ancient Greece as a kind of alternative social communities. To the formulation of the question]”, *ΑΚΑΔΕΜΕΙΑ. Материалы и исследования по истории платонизма* 2: 111–149.
- Gavrilov, A.K. (1989), “Uchenaya obshchina sokratikov v *Oblakakh* Aristofana [Scholarly community of Socratics in Aristophanes’ *Clouds*]”, in *Nekotoryye problemy istorii antichnoy nauki*, 62–76. Leningrad.
- Gloukhov, A.A. (2015), “Otvét na recenzíyu Alekseya Romanova [An Answer to Alexei Romanov’s Review]”, *Platonovskiye issledovaniya* 2.1: 244–255.
- Moore, Chr. (2012), “Chaerephon, Telephus, and Diagnosis in the *Gorgias*”, *Arethusa* 45.2: 195–210.
- Moore, Chr. (2013a), “Socrates Psychagôgos (*Birds* 1555, *Phaedrus* 261a7)”, in F. De Luise & A. Stavru (eds.), *Socratica III. Studies on Socrates, the Socratics, & the Ancient Socratic Literature*, 41–55. Sankt Augustin: Academia Verlag.
- Moore, Chr. (2013b), “Chaerephon the Socratic”, *Phoenix* 67.3/4: 284–300.
- Nails, D. (2002), *The People of Plato: A Prosopography of Plato and Other Socratics*. Indianapolis: Hackett Publishing Company.
- Olding, G.G. (2003), *Anti-intellectualism in Classical Athens* (Ph.D. thesis). University of Adelaide.
- Rogers, B.B., ed. and trans. (1906), *The Birds of Aristophanes, Acted at Athens at the Great Dionysia B.C. 414*. London: George Bell & Sons.
- Schmid, W. (1998), *Plato’s Charmides and the Socratic Ideal of Rationality*. Albany: SUNY Press.
- Surikov, I.E. (2011), *Sokrat* [Socrates]. М.: Molodaya Gvardiya.